§ 80

Третий и самый важный хронический миазм есть **псора** (psora), которой внешним характеристическим признаком бывает **особенного рода сыпь, производящая нестерпимый и похотливый зуд** (и имеющая особенный запах), тогда как **сифилитическая** болезнь распознается по **сифилитическому шанкру**, а **смоковная по шероховатым и похожим на цветную капусту наростам**; впрочем, все эти характеристические признаки появляются не прежде как по совершенном внутреннем заражении организма. **Псора есть единственная, истинная и первоначальная причина, производящая все другие бесчисленные формы хронических болезней, которые в патологических системах излагаются, как известные и отдельные виды** болезней, каковы: слабость нервов, истерика, ипохондрия, безумие, меланхолия, бешенство, падучая болезнь и судороги всех родов, английская болезнь, наросты на костях и сгибах, костоеда, рак, гриб, подагра, геморрой, желтуха, кровотечение из носу, желудка, матки и проч., удушье и нагноение легких, мужское бессилие и бесплодие, мигрень, бельмо, темная вода, глухота, камни в почках, паралич, слабость какого-нибудь чувства, разного рода боли и пр.[1].

§ 81

Этот заразительный миазм, начало которого скрывается в глубокой древности и который прошел чрез сотни поколений и миллионы человеческих организмов, достиг в настоящее время невероятной степени

---

1 *Двенадцать лет нужно мне было для того, чтобы проникнуть в эту великую истину и открыть лекарства, способные бороться с большею частью форм псоры, этой тысячеглавой гидры! Опыты, производимые мною в этом отношении, изложены в моем сочинении: Хронические болезни, Дрезден, у Арнольда, 1828 года, в 3-х томах. Прежде, чем я достиг истины в этом новом учении, я полагал, что на всякую хроническую болезнь должно смотреть как на индивидуальный случай и поражать ее одним или многими лекарствами, изведанными предварительно по их чистым и первоначальным действиям. В самом деле, были произведены довольно успешные лечения сообразно с этим правилом и страждущее человечество получало облегчение, благодаря обилию спасительных сил, которыми обладало новое искусство лечения. Но теперь мы несравненно более успели в этом отношении, так как я открыл лекарства истинно специфические для хронических болезней, происходящих от псоры,-лекарства, которые в гомеопатическом отношении гораздо более прочих приличны этим болезням и потому мною названы противопсорными. В то же время я указал, каким образом должно приготовлять эти новые средства. Между ними-то врач, пользуя псорическую болезнь, должен выбирать то, которое представляет наибольшее сходство лекарственных припадков с припадками предстоящего случая.*

зрелости и развернулся под бесчисленными формами болезней. Припомним также бесконечно разнообразное телосложение людей и бесчисленное различие вредных влияний [2], на них действующих, и мы не удивимся разнообразию недугов, повреждений и страданий, происходящих от псоры и упоминаемых в патологиях под особенными именами, как самостоятельные болезни[3].

sibi peculiaribus symptomatibus, turn etiam medendi ratione, quam hi ab illis disparem sibi

---

[2] *Некоторые из этих вредных влияний, часто изменяющих форму псорического худосочия, очевидно, происходят от климата и некоторых физических качеств жилищ, от различия физического и нравственного воспитания, от необразованности или слишком утонченного образования, от злоупотребления телесных и душевных способностей, от недостатка в диете, от страстей, различия нравов, обычаев и привычек людей.*

[3] *Как много встречается в патологиях названий, под которыми смешивают между собою болезни, в высшей степени разнородные и часто сходные только в одном каком-нибудь признаке, как напр.: лихорадка, желтуха, водяная, чахотка, бели у женщин, геморрой, ревматизм, апоплексия, судороги, истерика, ипохондрия, меланхолия, бешенство, жаба, паралич и проч.! В этих названиях думают видеть самостоятельные болезни, которые лечат одинаковым образом, согласно тем же названиям! Как можно оправдывать каким бы то ни было именем одинаковый способ лечения? Если же лечение не может быть всегда одинаковым, то для чего же употребляют совершенно одинаковое имя болезни, которое предполагает и одинаковость лечения? "Nihil sane in artem niedicam pestiferum magis unquam irrepsit majum, quam generalia quaedam nomina morbis imponere iisque aptare velle generalem quandam medicinam". (Величайшее зло во врачебном искусстве то, что болезням дают какие-то общие названия, к которым стараются применять общее лечение). Так говорит нам Гуксгам,-врач, столько же ученый, сколько и добросовестный. (Huxhamii Opera, phys. medic., t. I). Также точно Фритц, в своих Летописях, (том I, стр. 80), жалуется, "что дают одинаковое имя болезням, существенно различным между собою",*

Даже и те виды народных болезней, которые вероятно распространяются в каждой отдельной эпидемии чрез свойственный им миазм, получают от медицинской школы известные наименования, как бы то были постоянные болезни, всегда подходящие под одну форму. Таким образом говорят о госпитальной, тюремной, лагерной, желчной, нервической и мокротной горячках и проч., как будто эпидемическое появление их не есть новая болезнь, которая еще никогда не существовала под одними и теми же отношениями и отличается во многом от всех, прежде бывших эпидемий, как в отношении к своему ходу, так и по выдающимся припадкам. Давать этим эпидемическим проявлениям хотя одно из этих имен, введенных патологией, и предписывать способ лечения сообразно со злоупотребленным именем, - значит оскорблять всякую логику. Знаменитый Сиденгам понял эту истину; он один настаивает на том, что никогда не должно принимать какую-нибудь эпидемическую болезнь за ту же самую, которая уже появилась однажды, что не должно обходиться с нею по методу, уже употребленному для предыдущей; ибо все эти последовательные эпидемии различны одна от другой. См. Sydenhamii Opera, cap. 2, de morbis epi-clemicis, стр. 43, где он говорит: "Animum admiratione percellit, quam discolor et sui plane dissimilis morborum epidemicorum facies; quae tarn aperta horum morborum diversitas, turn propriis ac

vindicant, satis illucescit. Ex quibus constat, morbos epidemicos, aut externa quatantenus specie et symptomatibus aliquot utrisque pariter convenire paullo incautioribus videantur, re tamen ipsa, si bene adverteris animum, alienae esse admodum indolis et distare ut aera lupinis".

Итак, очевидно, что эти бесполезные и во зло употребляемые названия не должны иметь никакого влияния на метод лечения, которому следует истинный врач. Он знает, что должно судить о болезнях и лечит их не по неопределенному сходству в имени одного припадка какой-нибудь болезни с именем припадка другой, а по совокупности признаков индивидуального состояния, в котором находится всякий больной. Он знает, что должно с точностью исследовать болезни, а не предполагать их, основываясь на гипотезах.

Если же, несмотря на то, оказываются нужными известные обозначения болезней для того, чтобы небольшим числом слов заставить понимать себя людей, не посвященных в таинства медицины, то должно употреблять только собирательные имена. Пусть, напр., говорят: у этого больного род нервной лихорадки, род пляски Св. Витта, у него род водяной, род лихорадки и пр.; но чтобы очень остерегались говорить: у него болезнь Св. Витта, у него водяная, у него нервическая лихорадка, простудная лихорадка и пр.; ибо нет болезней постоянных и всегда одинаковых, которые бы заслуживали эти или подобные имена. Только таким образом названия болезней нас не обманут и не запутают.